

Н. Н. РОЗОВ

«В начале было слово...»

Эти начальные слова древнейших русских Евангелий апракосного типа с полным основанием можно отнести и к началу русской письменности и литературы. Но с одним дополнением: «звучащее слово».

Уже старейшая из сохранившихся русских книг — Остромирово евангелие 1056—57 гг. — блестящий образец сочетания элементов словесного, изобразительного и речитативно-музыкального искусства. Как и большинство древних богослужебных книг, эта книга предназначалась для громкого ритуального чтения вслух. Эмоциональности и выразительности чтения ее текста способствовало все ее роскошное художественное оформление, главным образом орнаментация. Художественное оформление Остромирова евангелия воспроизведено современными отечественными средствами полиграфической техники в новом факсимильном издании, выпущенном издательством «Аврора» в 1988 г. к юбилею крещения Руси. Моя вступительная статья к этому изданию опубликована полностью только на английском языке («The Ostromir gospel. 1056—57». Л., 1988. С. 1—15).

Особенно торжественно читалось Евангелие в дни так называемых двенадцатых праздников: сюжет и текст богослужения в эти дни, как правило, совпадает с евангельским чтением. Для чего в праздничных чтениях представлялись так называемые экфонетические знаки («знаки возглашения»), регламентирующие чтение текста «во всеуслышание».

Разнообразные экфонетические знаки обильно расставлены уже в первом чтении Остромирова евангелия. «Эмоциональный заряд» тещу-исполнителю давал первый разворот этой книги: на левой странице — красочное, на фоне чистого золота, изображение автора текста — евангелиста Иоанна Богослова, на правой — такая же многокрасочная заставка и золотой разрисованный инициал. Это чтение исполняют только раз в году, на первый день «праздника праздников» — так названа Пасха в праздничном каноне, который поется на ликующий мотив в быстром темпе всю пасхальную неделю.

Все это — и экфонетические знаки, и тщательная орнаментация, помогающая выразительно осмысленному чтению евангельского текста — позволяет предположить, что в Остромировом евангелии отразился исполнительский опыт его создателя Григория, диакона вероятнее всего великокняжеской или по крайней мере посаднической церкви. В пространном Послесловии этой книги сказано, что она создана для свойственника и соправителя киевского князя — новгородского посадника Остромира.

Это предположение подкрепляется Евангелием начала XII столетия, написанным для новгородского князя Мстислава. Орнаментальное оформление этой книги считается плохой копией Остромирова евангелия, но в

нем нет экфонетических знаков. Это, конечно, потому, что писал Мстиславово евангелие не диакон, а попович «Алекса»; «златом прописывал» тоже светский человек с дохристианским именем Жаден. Поэтому никаких отражений исполнительского опыта священнослужителей в Мстиславовом евангелии нет.

Чтение Евангелия на первый день Пасхи в Остромировом евангелии заканчивается словами: «Яко законъ Моисеомъ данъ бысть. Благодать же и истина И[су]с Х[ристом]ъ бысть». Перед этими двумя фразами нарисован сложный киноварный экфонетический знак; такой же знак, но попроще, разделяет фразы о Моисее и Христе. По традиции, существующей в православных церквях и поныне, исполнитель произносит заключительные фразы евангельского чтения особенно выразительно, на пределе диапазона и силы своего голоса.

Экфонетические знаки встречаются в русских рукописных Евангелиях вплоть до начала XVI в. С этого времени существуют документальные сведения об обучении священнослужителей ритуальному чтению с «голоса».

В Послании Геннадия, архиепископа Новгородского, к митрополиту Симону, датированном концом XV столетия, говорится о неграмотности «ставленников» — кандидатов в священнослужители; Геннадий пишет: «И к слову не может пристати. Ты говоришь ему то, а он иное говорит. И аз велю ему учить азбуку, а они, поучився мало азбуки, до просятя прочь и не хотят ее учить... И аз того для бью челом государю, чтобы велел он училища учинити».¹ Данный документ позволяет предположить, что с этого времени на смену древним экфонетическим знакам пришло обучение и грамотных священнослужителей «с голоса». Имея в виду каноническую косность православного богослужения, нетрудно предположить, что обучение священнослужителей ритуальному чтению и в последующие столетия велось «с голоса», так как экфонетические знаки в русских рукописных богослужебных книгах XVI—XVII вв. не встречаются. Нет их и в русских первпечатных книгах.

Не из сочетания ли письменных традиций, фиксированных до XVI в. экфонетическими знаками, и передачи исполнительского опыта «с голоса» образовалась современная манера богослужебного чтения в православных церквях Евангелия, Апостола и чтений Ветхого Завета — паремий? Последние при богослужении читаются так же громко, с возвышением голоса исполнителя от нижнего диапазона до верхнего. Ведь недаром начало чтения паремий в русских рукописных и старопечатных книгах отмечается, так же как в Евангелиях и Апостолах, крупным разрисованным инициалом.

В связи с чтением паремий следует отметить уникальный во всей истории письменности и литературы Киевской Руси факт использования этого элемента православного богослужения в целях пропаганды внутривосточных идей средствами церковного «звучащего» слова.

Князем Ярославом Мудрым был установлен культ его родных братьев — Бориса и Глеба. Последние были причислены к лику святых не за какие-нибудь аскетические подвиги, и пострадали они не за христианскую веру, а в результате феодальной распри. При этом были сочинены не только Жития Бориса и Глеба, но и паремийные чтения о них. Два последних были озаглавлены «От Бытия», но содержали не отрывок из первой книги Ветхого Завета, а изложение недавних событий русской истории, в XI в. памятных многим присутствующим при богослужении. В паремийных чтениях о Борисе и Глебе, написанных языком богослужебных книг того времени, использованы многие формулировки описания воинского боя. Они

¹ АИ. СПб., 1841. Т. 1. С. 147 и 148.

положили начало традиции таких формулировок в жанре древнерусских воинских повестей. Например: «Бе же пяток тогда, възходящю солнцю, приспе бо в той час Святополк с печенеги и съступишася обои и бысть сеча зла, ака же не бывала в Руси. И за руки ся емлющи сечахуся и по удолиямъ кровь течаше. И съступишася тришды и омеркоша бяющияся». Все это совпадало по языку и тональности с торжественным богослужением и производило небывало сильное впечатление на всех присутствующих.

* * *

Последняя фраза евангельского чтения на первый день Пасхи перефразирована в заглавии Слова о законе и благодати митрополита Илариона, старшего современника Остромирова евангелия и первого автора первого Слова русской литературы: «О законѣ Мѡѡсъѡмъ данѣмъ и о благодѣти и истинѣ Исус Христомъ бывшии. И како законъ ѡтиде, благодать же и истина всю землю исполни и вѣра въ вся языки простреся и до нашего языка роускаго. И похвала кагану нашему Влодимероу, ѡт него же кр[е]щени быхомъ».²

Далее в Евангелии от Иоанна рассказывается о крещении Иоанном Предтечей его последователей и Самого Христа. Это тоже находит параллель в Слове о законе и благодати, в котором в восторженных выражениях рассказывается о крещении Руси. Заканчивается это Слово панегириком крестителю Руси — князю Владимиру, а также его сыну и продолжателю дела просвещения Руси — князю киевскому Ярославу Владимировичу, прозванному своими современниками «Мудрым».

Вторая «генеральная» тема Слова о законе и благодати связана с праздником Благовещения. А это дает возможность датировать Слово годом ближайшего совпадения дат Пасхи и Благовещения в то короткое время, когда Иларион был на посту главы русской церкви. Вероятнее всего датировать произнесение Слова о законе и благодати 1049 г., когда Пасха была 26 апреля, на второй день праздника Благовещения.³

* * *

В XI столетии в Киевской Руси одновременно со словом «звучащим» было положено начало слову «не звучащему»: началось летописание. Последнее стало письменно фиксировать устные предания. Но как звучали эти устные предания, мы не знаем: записи, например, былин были сделаны лишь в конце XIX в. с изобретением фонографа.

² Цитируется по публикации Слова по списку середины XV в. Синодального собрания (ГИМ) — единственному, сохранившему концовку — Похвалу Ярославу Мудрому; см.: Розов Н. Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. Praha. 1963. Roč. 32. S. 141—175. Язык этого списка отличается архаичностью. Например, слово «благодать» в заголовке написано через букву «ѣ»; в дальнейшем это слово в большинстве случаев пишется под титулом. Отмечая особенности — обилие восточнославянизмов, современный ученый-лингвист пишет: «Все эти написания Слова, как нам кажется, могли бы восходить к его протографу XI в.» (Мещерский Н. А. К изучению языка «Слова о законе и благодати» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 236). На архаичности языка Слова Н. А. Мещерский останавливается и в своей монографии: История русского литературного языка. Л., 1981. С. 45—52.

Выступая на 3-й международной церковной конференции, посвященной тысячелетию крещения Руси, польский ученый проф. доктор Вацлав Грыневич согласился с моим определением Слова о законе и благодати как пасхальной проповеди. Его выступление, состоявшееся 1 февраля 1988 г. в Ленинграде, называлось: «Христос победи! Память о крещении Руси в проповедничестве митрополита Илариона».

В начальной русской летописи — Повести временных лет — описаны события, предшествующие крещению Руси. Подчеркивается, что решающим аргументом выбора православия была торжественность и пышность византийского богослужения. Послы князя Владимира говорили, что во время патриаршего богослужения в Константинополе, «не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты той, и не знаем, как рассказать об этом... Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве».⁴

Это свидетельство огромного эстетического воздействия православного богослужения на наших далеких предков. В отличие от католической религии, допускающей при богослужении и инструментальную музыку, православное богослужение вызывало и продолжает вызывать у наших современников восторг только «звучащим» словом — ритуальным чтением «во всеуслышание» и хоровым пением.

Летописание же, начавшись в тиши монашеских келий Киевской Руси, стало приобретать черты публицистичности, отразившей интересы светских и духовных властей. Однако почти во всех локальных разнообразных редакциях летописей (до конца летописания в XVII в.) в начале переписывалась Повесть временных лет, сообщавшая «Откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть» — как сказано в ее заголовке.

Но летопись, и другие жанры русской письменности, и так называемые памятники деловой письменности, являющиеся для современных историков, лингвистов и литературоведов ценнейшим первоисточником, не имели такой силы воздействия в древности, как церковное «звучащее» слово. В православной церковной гимнографии бездна поэзии. Недаром многие русские поэты начиная с XVII в. — Симеона Полоцкого — так много стихотворений писали на темы литургических текстов. За ними последовали композиторы, которые сочиняли музыку на тексты отдельных песнопений и даже целых церковных служб. В числе их были и великие русские композиторы — от М. И. Глинки до П. И. Чайковского и С. В. Рахманинова — авторов замечательных литургии и всенощной.⁵

* * *

Один из древнейших жанров русской литературы — церковное ораторское искусство — расцвело в ближайшее столетия в творчестве Климента Смолятича (второго после Илариона киевского митрополита русского происхождения), в проповедях епископов Кирилла Туровского и Серапиона Владимирского. Последний в грозную годину вражеского нашествия на Русь призывал русских князей к объединению для отпора общему врагу. Эта тема немного раньше появилась в гениальном Слове о полку Игореве — единственном из сохранившихся памятников древнерусского светского ора-

⁴ Повесть временных лет: В 2 ч. Ч. 1. Текст и перевод / Подгот. текста Д. С. Лихачева; Пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 274.

⁵ На той же конференции, посвященной тысячелетию крещения Руси (см. примеч. 3), выступил директор Библиотеки Конгресса США Дж. Биллингтон с докладом «Литургическое искусство и его наследие», назвав имена русских художников — от Андрея Рублева до Александра Иванова и передвижников, писателей и поэтов — Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина, а из современных — В. В. Маяковского, Б. Л. Пастернака и Ч. Айтматова. Были упомянуты также композиторы «могучей кучки» и даже современные кинорежиссеры — С. М. Эйзенштейн и А. А. Тарковский.

торского искусства. В XIV—XVII столетиях появилось много проповедей русских иерархов и «рядовых» церковного клира.

Что касается судьбы Слова о законе и благодати до XVIII в., то, распространившись в русской рукописной книжности XII—XVII вв.,⁶ оно оказало влияние на памятники литературы многих жанров — отечественной и зарубежной.

Существует обоснованное предположение об участии митрополита Илариона в начальном русском летописании.⁷ Давно известно о заимствовании из Слова о законе и благодати в западнорусской Ипатьевской летописи — в Похвале владимиро-волинскому князю Владимиру Васильковичу,⁸ в Житиях Леонтия Ростовского и Стефана Пермского, в приписке к Сийскому евангелию 1340 г., созданному для «собиранителя Русской земли» московского великого князя Ивана Калиты.⁹

Есть достаточно достоверные сведения о влиянии творчества митрополита Илариона и на зарубежные памятники литературы — славянские и даже армянские.

Давно уже замечено это влияние в памятнике сербской литературы XIII в. — в Житии Семииона и Саввы, написанном афонским монахом Доментианом.¹⁰ Акад. Н. К. Никольский обнаружил следы западнславянских источников в сочинениях самого Илариона.¹¹ Есть основание предполагать влияние Слова о законе и благодати и в творчестве армянского писателя XII в. — католикоса Нерсеса Шнорали.¹² Все это свидетельствует о широте литературных, точнее книжных, связей Киевской Руси с литературами зарубежных стран, о миграции книг — внутрироссийской и международной.

* * *

Остается сказать о судьбе Слова о законе и благодати в XVIII—XX столетиях и о современном состоянии изучения творчества митрополита Илариона.

Первое Слово русской литературы было известно знатокам рукописной книжности и в XVIII в. Один из них — митрополит Платон (Левшин) использовал ораторский прием Илариона. Выступая с проповедью на торжественном богослужении по случаю победы над турецким флотом в 1770 г. в Петропавловском соборе, он подошел к могиле императора Петра I, призывая его «восстать из гроба» и «насладиться плодами рук своих».¹³

⁶ Розов Н. Н. Рукописная традиция Слова о законе и благодати // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 42—53. Учтено 44 списка трех редакций — первоначальной, «усеченной» (без Похвалы Ярославу Мудрому) и интерполированной. В издании первой редакции по упоминанию его единственному списку (см. примеч. 2) — в орфографии подлинника, включая нераскрытые титлы, но с разделением на слова и напечатанному современному гражданским алфавитом, указано «более 50-ти» списков Слова: Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 3.

Подробнее см.: Розов Н. Н. К вопросу об участии Илариона в начальном летописании // Летописи и хроники: Сб. статей. М., 1974. С. 31—36.

⁷ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 922—925.

⁸ Никольская А. Б. Слово митрополита киевского Илариона в позднейшей литературной традиции // Slavia (1928—1929). Praha. Roč. 7. Seš. 3—4. S. 549—563, 853—870.

⁹ П [етровский] М. П. Иларион, митрополит Киевский, и Доментиан, иеромонах Хиландарский // ИОРЯС. 1908. Кн. 4. С. 96—133.

¹⁰ Незаконченное исследование Слова о законе и благодати, материалы и «заготовки» которого хранятся в архиве Академии наук. О них см.: Розов Н. Н. Из истории русско-чешских связей древнейшего периода // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 71—85.

¹¹ Розов Н. Н. К изучению русско-армянских культурных связей древнего периода // Литературные связи. Т. 1. Русско-армянские литературные связи. Исследования и материалы. Ереван, 1973. С. 62—78.

¹² Платон, митрополит. Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т. 1. С. 375.

В 1844 г. сочинения Илариона впервые были напечатаны профессором Московской духовной академии, протоиереем Александром Васильевичем Горским.¹⁴ Однако в этом издании язык сочинений Илариона, в том числе Слова о законе и благодати, был несколько модернизирован и приведен в соответствие с церковнославянским языком, который преподавался тогда в духовных учебных заведениях.¹⁵ В 1962 г. издание А. В. Горского было перепечатано с подробнейшими комментариями немецким ученым Людольфом Мюллером.¹⁶ Л. Мюллер перевел также сочинения Илариона на немецкий язык.¹⁷ Эти публикации привлекли внимание современных зарубежных ученых к творчеству Илариона, и появилось несколько исследований и публикаций текста Слова о законе и благодати. Среди них — оригинальное факсимильное издание одного из списков Слова — современным русским почерком, но в орфографии подлинника и даже с нераскрытыми титлами и выносными буквами.¹⁸

Что же касается изучения творчества митрополита Илариона на его родине в последние годы, то в Киеве в 1983 г. Институтом философии АН УССР был проведен семинар на тему «Проблемы философии истории в отечественной культуре XI—XVII вв.». Первые четыре доклада на нем были посвящены творчеству Илариона.¹⁹ В следующем году в Киеве вышло хорошо комментированное А. М. Молдованом издание Слова о законе и благодати.²⁰ В 1986 г. в Москве Институтом философии АН СССР выпущено два сборника статей под общим названием «Идейно-философское наследие Илариона Киевского». В первом сборнике опубликован «перевод» на современный русский язык сочинений Илариона, содержащихся в неоднократно упоминаемом рукописном сборнике середины XV в. Синодального собрания. Через год вышел второй такой же «перевод» Слова о законе и благодати с соблюдением рубрики Синодального списка — столь же древней, как и его орфография.²¹

К сожалению, публикация Слова о законе и благодати отсутствует в издании «Памятники литературы Древней Руси» (XI—начало XII века) (М., 1978). Воспроизведена лишь цветная репродукция первой страницы Остромирова евангелия, анонимно использованная в качестве форзаца.

В заключение — об изучении и публикации другого сочинения Илариона — его Молитвы, распространившейся в древнерусской рукописной

¹⁴ Памятники духовной литературы времени великого князя Ярослава I // Прибавление к творениям святых отцов в русском переводе. М., 1844. Ч. 2.

¹⁵ См. подробнее: Розов Н. Н. Из истории лингвистических публикаций литературных памятников XI в. (Издание А. В. Горским «Слова о законе и благодати») // Вопросы теории и истории языка: Сб. в честь проф. Б. А. Ларина. Л., 1963. С. 270—278.

¹⁶ Des Metropolitens Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis nach der Erstausgabe von 1844 neu herausgegeben, eingeleitet von Ludolf Müller. Wiesbaden, 1962. Об этом издании см.: Розов Н. Н. Древнейший памятник русской литературы в издании и интерпретации современного немецкого ученого // ИЮЛЯ. М., 1963. Т. 22. С. 439—443 (рецензия).

¹⁷ Müller L. Die Werke des Metropolitens Ilarion, eingeleitet, übersetzt und erläutert von L. Müller // Forum Slavicum. München, 1971. Bd 37.

¹⁸ Russia Mediaevalis. München, 1975. Bd 2.

¹⁹ В советских книгах по истории философии и эстетики должное место уделяется сочинениям митрополита Илариона. См., например: История философии в СССР. М.; Л., 1968. Т. 1. С. 36—37; Памятники эстетической мысли. М., 1962. Т. 1. С. 428. См. также: Замалеев А. Ф. Философская мысль средневековой Руси (XI—XVI вв.). Л., 1987. С. 109—115.

²⁰ См. примеч. 6.

²¹ Богословские труды (издание Московской патриархии). М., 1987. Сб. 28. С. 315—338. Перевод снабжен пространными «Примечаниями», состоящими преимущественно из ссылок на литературу и объяснения архаичных слов.

книжности гораздо шире, чем Слово о законе и благодати. Если число сохранившихся списков последнего — около полусотни, то списков Молитвы Илариона в несколько раз больше. Ее переписывали в Служебники и Требники, а также в Кормчие и другие богослужебные и церковноуставные книги, которые при научном описании у нас обычно не расписываются.

В цитированном Синодальном списке середины XV в. Молитва приписана к слову о законе и благодати. Это дало повод некоторым исследователям, преимущественно дореволюционным, начиная с А. В. Горского, считать ее заключительной частью Слова о законе и благодати.

Однако это совсем разные сочинения — по жанру, функциональному предназначению и тональности. Если последняя у Слова о законе и благодати — мажорная, то у Молитвы — минорная. Ее и читали в безвременье, в пору всенародных бедствий. Некоторые списки озаглавлены так: «Молитва преподобного отца нашего Илариона, митрополита Российского в нашествие иноплемennых и за бездожие и в смертоносие и всякое прошение». Или так: «Молитва о гневе Божиим за бездожие и за безведрие, егда дождь рамен (сильный) идет. И за князя и за вся христианы».²²

Молитва Илариона — тоже «звучащее слово». Нет ни в одном списке Служебника или Требника сведений о том, что эта молитва «тайная», читавшаяся священнослужителями вполголоса. Наоборот, в некоторых списках Молитвы есть помета, что ее нужно читать «велегласно».

* * *

Подведем кратко итоги изложенного — о значении церковного «звучащего слова» в первые века русской литературы.

Это слово звучало и в дни всенародных праздников, и в тяжкую годину. Слово о законе и благодати — первое в русской литературе произведение историософического содержания, связанное с крещением Руси. Кончается оно ликующим панегириком князю Владимиру и продолжателю его дела Ярославу Мудрому. Вероятнее всего, это Слово было произнесено во время торжественного богослужения в честь завершения Ярославом укреплений Киева — строительства вокруг него стены и казано, вероятно, в церкви Благовещения на Золотых воротах, недавно восстановленных. Эта церковь, расположенная на главных воротах Киева, — небольшого размера и могла вместить, по словам Илариона, только тех немногих, кто «преизлиха насладился сладостью книжной».

Что же касается годин народных бедствий, то широко была распространена Молитва Илариона; универсальность ее применения в различных всенародных «напастях» указана в ее заголовке. Если о всероссийском распространении Слова о законе и благодати свидетельствует география его списков, то случается читать Молитву Илариона было гораздо больше в последующих столетиях отечественной истории. Напомню, что XII, XIII и почти весь XIV века Россия пережила период феодальных междоусобных войн и иноземного нашествия наряду с регулярными неурожайными годами.

Влияние творчества митрополита Илариона подтверждается всероссийским распространением его сочинений и множеством заимствований в отечественной и зарубежной литературе. О силе церковного «звучащего

²² Розов Н. Н. Из творческого наследия русского писателя XI в. Илариона // Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae. Dissertationes Slavicae. Szeged, 1975. P. 115—155. Публикация подготовлена по двенадцати спискам XIV—XVII вв. Молитвы Илариона даны в двух редакциях — пространной и краткой. Приложены и факсимильные воспроизведения двух основных, полностью опубликованных списков. Разночтения из других списков публикуются лишь смысловые и наиболее значительные лексические.

слова» свидетельствуют паремийные чтения о Борисе и Глебе. Повторяю: в них впервые были использованы формулировки описания эпизодов сражений, широко представленные в особом, интересном и исторически значимом жанре — в воинских повестях.

Итак, начало русской литературы — «звучащее слово». В этом наша отечественная литература продолжает традиции праматери всех европейских литератур — дневнегреческой.²³ И этого нельзя забывать при изучении начального периода истории русской литературы.

Закончу свою статью первой фразой Остромирова евангелия: «Искони бѣ Слово и Слово бѣ отъ Бога и Б[ог]ъ бѣ Слово».

²³ Чистякова Н. А. Греческая эпиграмма VIII—III вв. до н. э. Л., 1983. С. 3—4 и др.